

мился, вынявши меч с тела его сам к себе оборотил, и хотел¹ убить себя² толко бы его приближные приятели не уняли.

Таково ж и Дионисиушь мучитель,³ егда хотел тешится мечом, тогда платие свое и саблю отдал временънику молодому держати, х которому ласков был. И одного времени, егда один з друзей и приятелеи приближенных его шутя молыл к тому мучителю Дионисию те слова: „Тому ли временънику молодому здоровья своего веришь?“, к чому он, временъник, розсмеялся, и для ради смеху того мучитель и того временника своего и приятеля убить велел. Приятеля для того, что образец к убивству показал, временъника ж для того, что оную повесть или вопрос смехом укрепил. И с такового дела мучитель Дионисии до коих мест жив был, весел не бывал.

Философ един спрошен от гетмана или воеводы, каковым бы делом возможно владети без похуления. Рече философ: „Аще гневом не будешь николи возбужены“. И тем делом объявил то, что гнев до всякого чину исполнения великою есть помешкою. Нет убо тем разсужения, кому гнев владеет, хотя б и был и премудрый, подлинно ся в делах помешает.

Аристотель мудрец прилагал и приверстал до гневу дым, якобы в дыму очи человеческие бывают затменные и зрения теряютца и владения к вижению вещи перед очима будущих не бывает. Таково жь, егда человек гневом розжетца, тогда темнение разумови приходит, что и грехов своих в те поры видети не возможет.

Всякий опять начальник и судия постановлены к разсужению различных дел долъжен есть правды беречи и по описаных судебниках судити. И подобает ему на посулы не смотреть и не дати ся от истинного отводить, к чому есть обрасцов много, а именно во време Камбисеса, царя перскаго, Сисанес судия, будучи посулами подарованыи, неистинно и неправедно дела судил. Что егда царю Камбисесу⁴ сказано, велел кожу с тела его содрати, а после самого удавити, а тую кожу, с тела содраную, велел на том месте, на котором судии садились, повесити. А после сына его Отана судьео поставил и те слова молвил к нему: „Памятуи о том, на каковем месте седачи судиш“.

Бияс судия, егда одного человека виноватого на смерть осудил, стал сам плакати, жалеючи бедного человеческого жития. Но коли был о том спрошон, чого бы для плакал, поне есть то на его волю казнити и освободити человека. Рече на то Бияс: „Подобающе и пригоже есть дело прирожению человеческому милость показати, но от упрасы и истинного оступати есть то дело убыточное и неподобающе к такому чину“. Подобает собирати людеи мудрых и богобоязных, которые б были праведными и лакомством возгнушались. А которые на достаток и на богатства и на деньги лакомыми суть и желательными, сицевые ничего чесного разсудити не возмогут.

Объявилось то в оных двух начальниках города, Олинту нареченного, которых нарицали Листенес и Евътикрастес, которые, подарки и посулы прельстивъшись, город царю Филипу македонскому здали, чого для царь Филип многожды те слова молвил, что ни один город не есть так крепко устроеныи и укрепленыи, которого бы невозможно взяти и овладети в те поры, егда бы до него осел или конь с великим мехом золота вшол. Нет бо лютого и страшнейшего дела над лакомъство, для ради которого многие царства погибают.

¹⁻² В рукописи пропущено.

³ В рукописи мучитель.

⁴ В рукописи Камбисесу.